

ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Артур Василевский
Вадим Юрьевич Панов
Перстень Парацельса
Серия «Тайный Город», книга 24

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16903371

*Панов, Вадим. Перстень Парацельса: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85982-5*

Аннотация

Немецкому дворянину Филиппу Ауреолу Теофрасту Бомбасту фон Гогенгейму довелось жить в страшное время, когда безумие захлестнуло мир. Демоны в человеческом обличье блуждали по улицам городов, а на кострах жгли всех без разбора: и настоящих ведьм, и невинных людей. Тем не менее потомок обедневшего рода сумел не только получить прекрасное образование и войти в историю под именем Парацельса, но и оставить после себя удивительный артефакт, пробуждающий честолюбие колдунов даже сейчас, спустя сотни лет после смерти загадочного немца. Таинственный Перстень, ради которого можно пойти на любое преступление... Что подарит он людям, попавшим под его действие? Кем станут они, очнувшись после Церемонии? Кем увидят себя и кем покажутся со стороны? И чем закончатся

события, начало которым положил приезд в Уфу человека по имени Бранделиус?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	39
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Вадим Панов, Артур Василевский Перстень Парацельса

© Василевский А., Панов В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

– Добрый день.

– Добрый день.

И...

И пауза. Неловкая и невнятная тишина, возникшая из-за ожидания гостя, что разговор на правах хозяйки начнет Лариса. Из-за напрасного ожидания – девушка не собиралась помогать посетителю, стояла в дверях, чуть улыбаясь, и молчала, ожидая продолжения. И он молчал, не совсем понимая, что делать дальше.

Смущаясь.

Гость ожидаемый, но не желанный. Раскрытый, как книга, давным-давно прочитанный, измеренный и взвешенный, но считающий себя необычайно хитроумным. Умолявший о встрече, но желающий обмануть. Впрочем... Все они хотят обмануть – все гости, которые приходят с подобной просьбой. Все считают себя умнее, чем есть.

Ну и ладно.

Опасности от очередного визитёра нет, а что он там о себе возомнил, так это его проблемы, решать которые Хранитель Чёрной Книги не обязана. Она прекрасно видела, что гордыня рано или поздно заведёт его в могилу, но умолчала об этом факте. Во-первых, потому что не обязана. Во-вторых, потому что бесполезно – гордыня поражает мозг, словно рак,

и мешает думать.

– Рад познакомиться с вами лично, – кашлянув, промолвил гость, продолжая переминаясь в коридоре.

Погрузившись в неловкую паузу, девять из десяти посетителей прерывали тишину именно этой идиотской фразой. Отдавали, так сказать, дань вежливости.

– Прошу, – равнодушно произнесла Лариса и сделала шаг назад, пропуская посетителя в гостиничный номер.

– За мной не следят.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я наблюдала за вашими передвижениями.

Гость вздрогнул.

– Элементарная безопасность, – пожала плечами девушка. – Было бы глупо с моей стороны доверяться первому встречному.

– Э-э... конечно.

Великие Дома с большим удовольствием пообщались бы с Хранителем Чёрной Книги, и поэтому Лариса не только не жила в Тайном Городе, но и прилагала массу усилий для уклонения от настырного магического поиска.

– Присаживайтесь.

– Спасибо.

Девушка сняла двухкомнатный номер: спальня, гостиная, большой балкон с видом на Старый город. В центре гостиной – круглый стол, за который она и позвала посетителя. Усе-

лась первой, сложила, как примерная ученица, руки, улыбнулась и осведомилась:

– Чем могу быть полезной?

Как будто не знала, по какому вопросу явился визитёр. Тот, впрочем, принял правила игры: расположился напротив, ответил улыбкой на улыбку.

– Мечтаю наладить с вами взаимовыгодное сотрудничество.

Фраза прозвучала с безукоризненной вежливостью. Лариса кивнула, выражая одобрение, и гость пространно продолжил...

Он прекрасно осведомлён, к кому пришёл, и выражает своё искреннее уважение и благодарность за то, что его согласились выслушать. Он понимает, что в настоящий момент фраза о «взаимовыгодном» сотрудничестве могла показаться слишком дерзкой, однако готов работать, готов много работать для того, чтобы расширить свои возможности. Готов рисковать. Готов потратить время на исследования. И, разумеется, готов приобрести один сложный и очень редкий артефакт, который, как, видимо, не без оснований уверяют «знающие люди», находится в распоряжении Хранителя.

– Я не торгую артефактами, – скупой обронила Лариса.

– Я понимаю.

– Я говорила об этом по телефону.

– Я помню. Но... – Гость вздохнул, очевидно показывая, как сильно его волнует данный вопрос. – Вы упомянули, что

я смогу получить артефакт.

– Мы можем договориться, – кивнула Лариса. – Но его передача вам – не вопрос денег.

– А чего? – Гость был настолько взволнован, что едва не допустил серьёзную ошибку. – Речь идёт об услуге? Назовите её. Вы ведь знаете, что с помощью артефакта я смогу...

– Нет, речь идёт не об услуге. – Девушка пошевелила пальцами. – Всё несколько сложнее...

– Артефакт при вас? – Гость больше не мог сдерживаться. Лишних действий он себе не позволил, чтобы – не дай Спящий – не показаться агрессивным. Но голос его предательски сорвался. – При вас?

– Да.

– Да?! – Судя по всему, посетитель не ожидал, что драгоценность, о которой он грезил вот уже несколько лет, окажется в заурядном гостиничном номере. – Вы носите его с собой?

– Я знала, о чём пойдёт речь, – спокойно напомнила Лариса.

Ей стало чуточку скучно. И чуточку грустно от того, что, неплохо начав разговор, гость постепенно скатился к заурядному поведению, показав себя тем, с кем бы ей не хотелось сотрудничать... С другой стороны, оставался шанс, что всё дело в волнении и именно оно мешает посетителю вести себя в подобающем ключе.

– И вы... – У гостя задрожали пальцы. – Вы мне его по-

кажете?

– Да хоть сейчас.

– И вы... – Он сглотнул. – Вы не боитесь?

– Вас?

– Я знаю, это прозвучало самонадеянно... – Посетитель немного смутился. – Но вы готовитесь показать мне уникальный артефакт, а в таких ситуациях даже мышь способна биться, как лев...

– Правда? – прищурилась девушка.

– Мне так кажется. – Он покраснел.

– Номер защищён от построения порталов, – улыбнулась Лариса. – А сражаться со мной вам не под силу. При всём уважении.

– Пожалуй.

– В таком случае никуда не уходите.

Девушка легко поднялась, прошла в спальню – напряжённо прислушивающийся гость различил скрип открываемой дверцы шкафа – и вскоре вернулась, держа в руках деревянную, отделанную бронзой шкатулку.

Расположила её на столе.

Уселась.

Улыбнулась.

Но не произнесла ни слова.

– Это оно? – почти шёпотом спросил гость после недолгой паузы. – Всё в этой шкатулке?

– Полный комплект, – подтвердила девушка. – И записи,

включающие очень подробные инструкции, и сам артефакт.

– Вы с ним разбирались?

– Проглядывала мельком.

– Почему?

– Перед вами очень сложный артефакт, – мягко произнесла Лариса, глядя посетителю в глаза. – Чтобы разобраться с ним, требуются годы, которых у меня, к сожалению, нет. Мне нужно забросить все свои дела, вернуться к учёбе, повысить уровень своих знаний в нескольких областях и лишь затем заняться артефактом. Причём без гарантии успеха.

– Что значит «без гарантии успеха»? – удивился гость.

– Что вы о нём знаете? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Достаточно.

– В таком случае вам должно быть известно, что Парацельс считал артефакт незаконченным.

– Поэтому вы его не продаёте?

– Поэтому я готова отдать его с одним условием.

– Каким?

– Артефакт... – Лариса положила ладонь на шкатулку. – В настоящее время артефакт представляет из себя заготовку чего-то более значимого, мощного, невероятно интересного, чего-то грандиозного, чего, увы, Парацельс попросту не успел сделать. Перед нами болванка. И я хочу, чтобы следующий владелец не использовал её, а совершенствовал. Я хочу, чтобы сбылась мечта Парацельса.

– Я всё сделаю, – уверенно, но по-прежнему шёпотом произнёс гость.

– Вы можете сделать, – поправила его девушка. – Вы достаточно умны, и при должной подготовке...

– Вы собирали обо мне информацию? – Создалось впечатление, что он вознамерился возмутиться.

– Неужели вы думаете, что я приглашаю к себе всех подряд? – улыбнулась Лариса. – Разумеется, я собирала о вас информацию и знаю, что ваш совместный потенциал позволит продолжить исследования Парацельса. Вы сможете довести артефакт до совершенства, и он будет носить ваши имена, и...

Она замолчала. Отвлеклась, настороженно прислушиваясь к донесениям охранных артефактов, окружавших гостиницу, и потому пропустила выпад. Собственно, так и было рассчитано.

– Здесь нелюди...

– На! – Он не атаковал – ему это было не нужно. Да и глупо, учитывая разницу в способностях: Хранитель могла стереть не слишком сильного колдуна в порошок. Нет, гость не атаковал, он всего лишь вскочил, перегнулся через стол, резко оттолкнул опешившую девушку, выхватил шкатулку и сделал то, чего Лариса точно не ожидала, – выпрыгнул с добычей в окно, разбив стекло направленным ударом невидимого «Кузнечного молота».

– Чёрт!

Она машинально бросилась следом: «Седьмой этаж, внизу асфальт, на что он рассчитывает?» И лишь у подоконника всё поняла. И обругала себя за глупость: да – седьмой этаж, но запрет на портал действует только внутри помещения, и падающий вор уже активизировал магический переход, уходя от праведного гнева обманутой владелицы артефакта.

– Проклятье!

Самое правильное – броситься следом, но дверь слетает с петель, и нужно отбивать атаку ворвавшихся рыцарей. Два узурпатора и два командора войны – четыре заклинания бьют по застывшей у окна девушке, но хрупкая красавица не так проста, как кажется. Она – Хранитель и успевает отразить арканы, стремящиеся выжать из неё магическую энергию, обездвижить, оглушить, пленить... Защищается, но преследовать вора Лариса не может – его переход захлопнулся. И она тоже бросается в окно и едва успевает уйти в наспех выстроенный «Тройной прыжок» – портал с тремя магическими тоннелями, специально созданный для избавления от назойливых преследователей.

Уходит и проклиная про себя хитроумного гостя...

Глава 1

Виктор проснулся мгновенно: раз! – и никакого сна. Ни малейшей тяжести или вязкости, которые, бывает, долго ещё тлеют после пробуждения; в голове кристальная ясность, настроение отличное, хоть на работу, хоть на тренировку, хоть в бой!

Виктор улыбнулся: ишь, разогнался! В бой ему, канцелярской крысе, когда в последний раз на страйкбол ходил? Не вспомнил. Давно.

Полежал ещё немного, привычно чувствуя тёплую тяжесть на правой руке, снова улыбнулся, прислушался и убедился, что дыхание подруги ровное и спокойное – спит.

Ну и ладно, время до будильника ещё есть.

Очень осторожно, по сантиметру, Виктор высвободил руку – девушка вздохнула, причмокнула губами, но не проснулась, – встал, поёжился, быстро натянул треники, накинул старую джинсовую рубашку, сунул ноги в тапочки и подождал, пока глаза привыкнут к темноте, заодно прислушиваясь к доносящимся с улицы звукам просыпающегося города: машины, шаги прохожих, снова машины... Всё как обычно.

Пошёл на кухню. Не зажигая огня, сел за стол, отодвинул штору и принялся смотреть в окно. А точнее, на одинокий фонарь у соседнего дома, уже погасший и потому преисполненный унынием, напоминающий неприкаянного великана,

прирутившегося на ветреном углу на распутье, словно перед знаменитым камнем с суровыми надписями: «Налево пойдёшь – коня потеряешь, направо – головы лишишься, а прямо – так и вовсе чёрт знает что выйдет».

Развилка судьбы.

Только не у придуманного великана, а у вполне реального Виктора Громова, до сих пор не разобравшегося в происходящем...

Из спальни послышался лёгкий, едва уловимый шорох, затем – шлёпанье босых ног по новёхонькому паркету комнаты и коридора, а ещё через секунду на пороге кухни возникла Даша – сонная, взлохмаченная, в мятой ночнушке... и поэтому вдвойне прелестная и соблазнительная. Девушка пребывала в том возрасте, когда свежесть юности и роскошь женской зрелости встречаются, как две волны, как лето и весна, формируя чарующий цветок истинной красоты. Она сонно улыбнулась:

– Бодрствуем?

– И мыслим, – ответил он в том же духе и глянул вниз, туда, где заканчивалась коротенькая ночнушка: – Смотри не простынь.

– У меня иммунитет прочный. – Даша поборола зевоту, уселась напротив.

Но Виктор-то знал, что не в иммунитете дело, а в том, что у Даши были удивительно красивые, идеальной формы ножки и демонстрировать их давно вошло у девушки в привычку.

ку. Впрочем, усевшись, она сразу же просунула эту красоту под столом, пристроив ножки между колен друга.

Он улыбнулся:

– Плата за обогрев по прейскуранту?

Но девушка не поддержала шутку. Теперь, окончательно проснувшись, она оценила происходящее – выключенный свет, задумчивый взгляд – и сделала правильный вывод:

– Тяжёлые мысли?

– Я бы назвал их странными.

– Проблемы на работе?

– Как раз наоборот: карьера идёт в гору, ты же знаешь.

– Тебя сделают начальником департамента?

– Ага, – подтвердил Громов. – Извини, забыл вчера сказать.

А это означало удвоение дохода и блестящие перспективы на будущее.

– Что же тебя беспокоит?

– Не беспокоит... – протянул Громов.

– Верно. – Даша улыбнулась, но взгляд её оставался внимательным. – Не беспокоит – мучает.

Слово оказалось подобрано с лазерной точностью, и можно было бы восхититься прозорливостью девушки, но... Но кого женщине чувствовать до самых тончайших душевных струн, до самых потаённых изгибов, если не любимого мужчину? И все его попытки скрыть эти самые изгибы, движения, тёмные углы – дело пустое. Умная женщина видит всё.

А Даша была умной.

– Что случилось?

– У меня произошла странная встреча, – медленно, поскольку теперь уже ему приходилось подбирать слова, ответил Виктор. – Очень странная...

Виктор Громов и Дарья Касьянова познакомились случайно – с обывательской точки зрения, разумеется, с той самой, с которой едва ли не вся наша жизнь соткана из случайностей. А вот Виктор с Дашей спустя полтора года знакомства были убеждены, что их знакомство – знак судьбы.

Ведь она – судьба – всегда скрыта в тени событий.

Окончив институт, Виктор сразу же был принят на работу в один из крупнейших банков города – как говорится, повезло! Но обратной стороной везения стала чрезвычайно плотная конкурентная среда, в которой варились сотрудники, и отсутствие даже малейшего намёка на творчество в работе, на риск и поиск. Банк был похож на исполинскую, кем-то когда-то запущенную машину – эти загадочные невидимые «кто-то», обитатели заоблачных финансовых высот, время от времени что-то там совершали, и это отражалось переменами в работе рядовых сотрудников. Но перемены лишь вводили иные правила и алгоритмы действий, а исполнять их требовалось не менее жёстко, чем прежние: ни шага влево, ни шага вправо. Приходилось терпеть. Виктор терпел, но при этом мечтал – в душе холодный банкир оставался горячим

романтиком, мечтающим прожить отведённое ему время не только в достатке, но и с интересом. Хотел он подвига, пусть и на финансовом поле, головокружительного успеха и подъёма на вершину. Не медленного и плавного, а стремительно-го взлёта.

Возможно, именно живущий внутри Виктора романтик и привлёк внимание Даши, красивой, строгой и вовсе не млеющей при виде перспективных финансистов Даши. Оба из Уфы, они познакомились в Казани, причём Громов поначалу принял красавицу за спутницу одного из «больших финансовых гуру», что слетелись на ту конференцию, а вот Даша...

– Я сразу тебя выбрала, – рассказала она месяц спустя. – Больше никого не разглядела тогда. Вошла, увидела и поняла: этот мужчина будет моим.

Ну и, по правде говоря, мужчина был хорош: рослый сероглазый шатен с открытым, приветливым лицом, как говорится, настоящий полковник. И на обворожительную девушку он среагировал так, как должен был среагировать настоящий боец: сделал всё, чтобы она стала его. И вот им уже казалось, что они знают друг друга многие годы. Они съехались через неделю, провели вместе отпуск, который Громов назвал «предварительным медовым», и пока ещё не вслух, но каждый внутри себя прикидывал, как будут они выглядеть в свадебных нарядах. Где лучше устроить праздник, и куда поехать после...

Их влюблённость постепенно перерастала в любовь.

А ещё неожиданно обнаружилось, что и Виктор и Даша обладают душевной тонкостью, развитой интуицией, однако это вовсе не мешало здоровому прагматизму. Всё вроде бы вошло у них в колею: «дом – работа – дом – работа...» – и тем не менее молодые люди чувствовали, что за повседневной тканью бытия кроется нечто удивительное, чудо, готовое ворваться в их жизнь и всё изменить.

* * *

– Авдотий Платонович, значит? – переспросил Бранделиус, глядя собеседнику в глаза.

Он любил так смотреть – пристально, сбивая спесь и уверенность, однако сейчас надавить одним лишь взглядом не получилось.

– Ага, – беззаботно подтвердил Авдотий. – Могу паспорт показать.

– Нет необходимости.

– Как скажете.

– Угу... – Бранделиус помолчал, но всё-таки не удержался, спросил: – И фамилия твоя – Меркель?

– Именно. – Чувствовалось, что Авдотий привык к вопросам и потому держался на изумление хладнокровно.

– Из немцев, что ли?

– Зачем из немцев? Белорус. – И сразу, не дожидаясь дополнительных вопросов, продолжил: – Семейство моё из-

под Могилёва, там Меркелевичей все знают: и хозяйствовали на хуторах, и по торговой части, и по служивой проходили, в общем – жили. Но дедушка мой, умнейший человек, в одна тысяча тридцать третьем фамилию поменял, чтобы как раз за немцев нас не принимали. Как в воду глядел.

– Это точно, – пробормотал несколько сбитый с толку Бранделиус.

– А всё почему? – Авдотий поднял палец и хитро посмотрел на посетителя. Но ответить ему не дал: – Потому что дедушка умный был, хоть и не маг и в будущее смотреть не мог.

– Ты в него уродился?

– Я ещё и маг, – напомнил Меркель.

– А насчёт ума?

– Обидеть хотите?

– Ни в коем случае! – Бранделиус выставил перед собой ладони. – Просто пошутил. Если обидел – извини.

– Я и сам пошутить люблю, – пробурчал Авдотий. Помолчал и добавил: – А что насчёт ума, то не глупее деда.

– Я уже извинился, – напомнил гость, дав себе слово больше не задевать обидчивого собеседника.

Офис «Потомственного шамана Западно-Сибирского Орднунга, Постигающего Истину Верхнего Мира в двенадцатом колене» располагался на самой окраине Уфы, в потрёпанном, требующем хотя бы штукатурки, а на деле – капитального ремонта Доме культуры, оставшемся ещё с имперских времен. На первом этаже, справа от входа, три ком-

наты подряд с одной входной дверью. Дверь тяжёлая, металлическая, отделанная чёрным дерматином, порванным в двух местах и украшенным краткой надписью (или признанием?) «Козёл!». На всех окнах – решётки. Комнаты шамана оказались большими, светлыми, с высокими потолками, но обшарпанными, также требующими ремонта (лучше – капитального) и скудно обставленными. Старая деревянная вешалка, конторский письменный стол из обшитого пластиком ДСП, два книжных шкафа и стая разномастных сидячих мест: кресла, стулья и диван.

На первый взгляд – нищета и убожество. Однако Бранделиус знал, что маги Тайного Города часто прибегают для маскировки, а если какой-нибудь нужный, но привыкший к роскоши клиент вдруг почувствует отвращение к «дыре», его настроение можно без хлопот выправить при помощи магии.

Сам «отпрыск Постигающих Истину» оказался полным, курносым мужиком с большими голубыми глазами, толстыми пальцами и роскошной гривой светлых волос до плеч, перехваченных разноцветной верёвочкой. Одеждой он напоминал помесь ведьмака с хиппи: расшитая крупными цветами рубаха, кожаные штаны, плетёные мокасины и жилет с карманами. На запястьях – браслеты и фенечки, на пальцах – серебряные перстни, на шее – три или четыре амулета.

– Кстати, а почему шаман? – всё-таки не удержался Бранделиус.

– Я в школе народными танцами занимался: хороводы, ритмичные пляски и всё такое прочее. Вот и прикипел душой. – Белорус зевнул. – Хорошие были времена... Запалишь, бывало, благовоний...

– Из Уголовного кодекса, небось?

– И такие тоже, бывало, запаливал, – не стал спорить Меркель. – Но тут главное – не попадаться.

– Согласен.

– Опять же: мне весело, клиенту приятно... А учитывая, что в итоге он получает именно то, за чем пришёл, то лучше уж пусть его внимание будет рассеяно с помощью... Э-э... – Судя по всему, Меркель задумался, не слишком ли он разоткровенничался. – В общем, как-то так.

Бранделиус почувствовал, что собеседника охватили сомнения, и перевёл разговор на другую тему:

– Ты только шаманишь?

– Почему? – искренне удивился Авдотий. – У нас многопрофильная фирма. Я – представитель тысячелетней мудрости Востока, таинств Сибири и Чукотки. А мой компаньон – гений европейского магнетизма, обладающий глубочайшими познаниями в египетской магии и запрещённых ритуалах иллюминатов. Этот итальянский алхимик...

– Это он сопит в соседней комнате? – довольно бесцеремонно перебил белоруса Бранделиус.

– Ага.

– Позови.

– Мустафа, можно тебя на минуточку?

Дверь приоткрылась, и к собеседникам вышел такой же невысокий, как Меркель, но не полный, а скорее плотный, спортивного вида парень, во внешности которого так сильно смешались Восток и Запад, что его можно было принять и за итальянца, и за башкира.

– Джафаров. – Мустафа крепко пожал Бранделиусу руку и тут же отступил, оказавшись за спиной шамана.

– Ты и правда разбираешься в алхимии?

– Да, – с серьёзным видом кивнул Джафаров. – А что?

– Мне потребуется помощь в изготовлении нескольких составов, – объяснил Бранделиус.

– Насколько сложных?

– Третий уровень. Возможно, четвёртый.

– Рецепт есть?

– Разумеется.

– Тогда без проблем.

– Правда?

– Я был первым учеником выпуска школы Золотого Озера, – с законной гордостью сообщил Мустафа. – Среди людей, конечно.

– В таком случае я спокоен.

– Именно.

Меркель и Джафаров были не единственными осевшими в Уфе магами Тайного Города, но самыми энергичными из них, развившими по-настоящему бурную деятельность. При

этом помимо работы по профессии, то есть «оказания услуг челам в пределах разрешённого уровня магического воздействия», шаман и иллюминат занимались контрабандой магической энергии и незначительных артефактов, с которой и получали основной доход.

– Как бизнес?

– Лучше не спрашивайте, – вздохнул Авдотий, умело изобразив на лице последствия тяжёлого финансового кризиса.

– Слышал, вы неплохо навариваетесь на контрабанде?

– Хотите войти в долю?

– Хочу узнать, много ли здесь людей с магическими способностями.

То, что обычные люди считают волшебством, в действительности есть умение работать с магической энергией, а уровень этого умения определяется врождёнными способностями. Именно с теми, кто способен чувствовать непонятные, но волнующие потоки силы, и работали контрабандисты: являлись под видом ангелов или демонов и за огромные деньги перепродавали магическую энергию, которую тратили, как правило, на удовлетворение своего эго, демонстрируя родственникам и знакомым слабенькие по меркам Тайного Города, но необъяснимые с точки зрения науки фокусы. Со всеми своими контрагентами контрабандисты проводили тщательный инструктаж, и если возникали проблемы, то попросту прекращали общение, оставляя несчастных

мучиться в результате отключения от силы...

– Вам нужны маги?

– Нераскрывшиеся, – подтвердил Бранделиус.

– Зачем?

– Хочу поставить пару экспериментов.

– Почему здесь? – прищурился Меркель.

– Не люблю Москву.

– Москву или Тайный Город? – уточнил Мустафа.

– Врачи посоветовали мне климат Южного Урала, – произнёс Бранделиус таким тоном, что стало ясно: развивать тему своих отношений с Великими Домами он не собирается. – Но мне нужна энергия.

– Много?

– Прилично.

– Что-то ещё?

– Кое-какие алхимические снадобья.

– Мы можем оформить заказ в Торговой Гильдии на что угодно, – медленно произнёс Авдотий, глядя гостю в глаза. – Но чья фамилия будет в нём стоять?

– Твоя.

– В таком случае – двойная цена.

– Грабёж! – возмутился Бранделиус.

– Стандартная плата за риск, – пожал плечами белорус.

А стоящий за его спиной иллиуминат тоненько рассмеялся.

– Хотя бы пятьдесят процентов!

– Это не хотя бы, а даром. – Меркель пожевал губами. –
Семьдесят пять.

– Ладно, – после короткой паузы махнул рукой Бранделиус. – Запиши, что мне нужно...

А ещё через пятнадцать минут, когда оставивший заявку, но почему-то не очень довольный гость ушёл и колдуны убедились, что он действительно удалился, Мустафа громко произнёс:

– Он мне не понравился.

Авдотий покосился на компаньона, улыбнулся и кивнул:

– Мне тоже.

– И что будем делать?

– Он явно затевает что-то незаконное или слишком интересное, – медленно, продолжая раздумывать над происходящим, изрёк Меркель. – То есть в результате его эксперимента получится или то, что не понравится Великим Домам, или то, на что Великие Дома с удовольствием наложат лапу.

– Понимаю тебя, – прищурился иллюминат Джафаров. – Предлагаешь подождать?

– Но не сидеть сложа руки, – уточнил белорус. – Мы должны выяснить, что именно затеял Бранделиус, а уж потом доложить о нём Великим Домам.

Меркель был ярым приверженцем американского выражения: «Ничего личного – только бизнес», и Мустафа его полностью поддерживал.

– Что-то произошло? – мягко спросила Даша, и Виктор ощутил, как пальчики её согревшихся ножек легонько шевельнулись. – Милый мой, неужели ты думал, что я ничего не замечу? Неужели ты плохо меня знаешь?

Дарья Касьянова недаром после института пошла в науку: обладательница исследовательского склада ума, она могла не только увидеть проблему, оценить её, отыскать её истоки, но и вцепиться в неё мёртвой хваткой и не отстать, пока не будет получен результат, пока задача не окажется решённой. Сейчас такой проблемой для Даши стал любимый мужчина: девушка поняла, что Виктора что-то тревожит, сначала обиделась на его попытку это скрыть, но поступила мудро, решив действовать мягкостью, а не напором.

Виктор виновато усмехнулся.

– Ну... как бы это тебе сказать...

– Говори как есть.

– Вот в том-то и дело, что не знаю, как тут есть. – Он взлохматил волосы и, если бы курил, обязательно потянулся бы за сигаретой. Но табачный дым Громов не переносил с детства. – Мы с тобой всё толковали о чуде... пусть не прямо, так косвенно... ну, и вот...

То, что произошло вчера, в обычном человеческом понимании вполне тянуло на звание чуда. Причём возникло оно

не на пустом месте, а как раз там, где его искали. Пусть иронически, пусть легкомысленно, пусть почти не ждали и не особенно верили в него... но ходили-бродили близ его границ, зная, что ворота на замке.

А они взяли и распахнулись.

Ещё в романтической юности Виктор обнаружил в родном городе три точки, где его чутьё улавливало особенно близкое дыхание... чего-то необычного, невероятного, неизвестного, но не чужого, просто неизвестного... И самой яркой из трёх была наиболее северная, находящаяся в Черниковке – сравнительно молодом районе Уфы, примыкающем к нефтехимзаводам и оттого числящемся в непрестижных. Но, на взгляд Громова, западная часть Черниковки, распланированная и построенная после войны в стиле «сталинский ампи́р», была чудо как хороша: улицы, веером расходящиеся от центральной площади, сформировали там обширные дворы, вместившие в себя множество зелени и за прошедшие годы превратившиеся в самые настоящие парки, по которым любил бродить Виктор – без цели и не замечая времени, любясь городом, который в его фантазиях превращался в целый мир. Однажды Громов набрёл на берёзовую рощу, поднявшуюся среди далеко отстоящих один от другого домов, и вот там его «накрыло».

Вот уж где аура так аура! Вот где дыхание чуда оказалось осязаемым до мурашек по спине. Вот где в привычный мир врывалась необычная сила: загадочная, но при этом тёплая,

маниящая, обещающая невиданные возможности...

С тех пор Виктор частенько, минимум раз в месяц, приезжал в рощу, наслаждаясь прикосновением к одному ему ведомой силе. Долго стеснялся рассказать об этом Даше, но не утерпел – выложил, потом отвёз в Черниковку и едва не запрыгал от радости, услышав, что девушка почувствовала в роще то же, что и он...

Берёзовая роща ещё больше убедила молодых людей, что они созданы друг для друга.

Вчера же Громов случайно оказался неподалёку – ездил в эту часть города по работе – и заскочил в Черниковку один. Прошёлся среди берёз, постоял, наслаждаясь необыкновенным, невозможным для большого города запахом настоящего леса, прикоснулся к стволам...

И вдруг услышал за спиной осторожные шаги.

И отчего-то подумал, что слышит движение самой Судьбы...

Подумал внезапно, не имея на то ни малейших оснований, но то ли место навеяло, то ли настроение было подходящим, но в голову пришла мысль: «Шаги Судьбы...» – и когда идущий остановился, Виктор вздрогнул, резко обернулся и увидел невысокого, заурядной внешности мужчину лет сорока, в короткой тёмной куртке, тёмных же брюках и ботинках.

– Здра-авствуйте, – вежливо приветствовал Громова незнакомец, слегка растягивая звук «а». – Я вас не напугал?

– С чего вы взяли? – Но ответил Виктор несколько от-

рывисто, даже чуточку грубовато. Он не испугался, конечно, просто слишком уж неожиданным оказалось появление незнакомца.

И ещё эта мысль насчёт Судьбы...

– Антон Арнольдович Бранделиус. – Невысокий чуть поклонился, помедлил, но всё-таки протянул руку, которую Громов машинально пожал.

– Очень приятно. Виктор... Громов.

– Очень приятно.

Стандартная демонстрация вежливости прозвучала как-то натянуто, если не сказать лицемерно. Действительно, что может быть страннее двух взрослых мужчин, знакомящихся посреди берёзовой рощи? Да и что им вообще там понадобилось, двум взрослым?

– Что вы здесь делаете? – небрежно осведомился Бранделиус, словно прочитав мысли Виктора.

– Гуляю.

– Просто гуляете?

– Да.

– Врач прописал?

– А вам какое дело?

– Хочу узнать, почему вы стесняетесь ответить честно.

– Это как?

Антон Арнольдович улыбнулся и прикоснулся к ближайшей берёзе:

– Это так, что вы чувствуете здесь присутствие Неведомо-

го, Виктор, потому и приезжаете в рощу чаще, чем на могилу матери.

– Вы за мной следили? – Громова покорила слова насчёт могилы.

– Кто вы такой – следить за вами?

– В смысле?

– Я просто знаю таких, как вы, – объяснил Антон Арнольдович. – И не обижайтесь, пожалуйста, в конце концов, на правду не обижаются, не так ли?

Бранделиус вызывал двойственные чувства. С одной стороны – неприязнь, порождённую его «правдой» и отчётливым привкусом превосходства в голосе. С другой – интерес, поскольку этот невысокий москвич – Виктор наконец понял, откуда взялся непривычный выговор собеседника, – знал слишком много. И поразмыслив, Громов не стал грубить, а задал встречный вопрос:

– Вы тоже чувствуете?

– И не просто чувствую – я умею больше.

– Что именно?

– Умею управлять тем, что вы только чувствуете. – Антон Арнольдович положил ладонь на берёзовый ствол и прикрыл глаза. – Рассеянной по планете магической энергии крайне мало для полноценной работы, использовать её могут лишь Белые Дамы, а чувствовать – самые сильные колдуны. Но в некоторых местах, как здесь например, её концентрация много выше обычного фона, и ваши обострённые способно-

сти позволяют уловить присутствие Неведомого.

– А вы умеете с ним работать?

– Да.

Следующий вопрос Виктор задал после почти минутной паузы:

– Вы волшебник?

Уж больно дикой показалась Громову тема.

– Вас это смущает? – небрежно осведомился Бранделиус, не открывая глаз.

– Смущает, что я это слышу от взрослого человека.

– То есть сам факт существования волшебников и волшебства вы считаете нормальным?

Ловушка оказалась настолько простой, что Виктор сам не понял, как в ней оказался. Смутился и потому прибег к лёгкой грубости:

– Вы решили стать моим психиатром?

– Просто удивлён тем, как легко вы приняли невероятное.

Лесть сделала своё дело: Громов взял себя в руки. Помолчал, глядя на всё ещё стоящего с закрытыми глазами собеседника без прежней неприязни, и признал:

– Я чувствую силу, о которой вы говорите. Магическая энергия, да?

– Именно.

– Я её чувствую. Она здесь есть. Я знаю это уже много лет, так что ваше невероятное я принял не только легко – я был к этому готов.

Сказал – и стало легче, потому что выговорился, во второй раз в жизни излил душу, и теперь – плевать: пусть смеётся, пусть издевается... Нет, не засмеялся.

Бранделиус открыл глаза и очень серьёзно посмотрел на Громова:

– Вы не один.

– Есть и другие?

– Не просто есть, а здесь, в Уфе. – Антон Арнольдович развернулся и теперь прислонялся к берёзе не рукой, а спиной. Прислонялся, словно не желая отходить далеко, словно питаюсь невидимой силой... – Видите ли, Виктор, я по профессии биолог, но так же, как вы, могу чувствовать силу, улавливать ещё не изученную наукой энергию, рассеянную вокруг нас. И я уверен, что она способна раскрыть возможности человека, превратить заурядного потребителя еды и модных гаджетов в настоящую, не знающую преград личность. Я ищу одарённых людей, способных, как говорится, прыгнуть выше головы, и именно для этого прихожу в подобные места... – Он улыбнулся. – Я искал вас, Виктор...

– Для эксперимента?

– Для будущего...

– Постой, – перебила Громова Даша. – Я правильно поняла: он считает, что если в нашей роще собрать людей, которые чувствуют то же, что и мы...

– Особо одарённых...

– То можно попытаться раскрыть заложенный в нас потенциал?

– Да, – подтвердил Виктор.

– Но зачем нужна толпа?

– Потому что поодиночке у нас не получается. Мы ходим в эти места... Мы с тобой – в рощу, кто-то другой – к какой-нибудь горе или к озеру, не важно. Важно то, что мы ходим в эти места, чувствуем силу, но не можем преодолеть барьер, который отделяет нас от неё. Бранделиус же уверен, что нужно просто объединить усилия и тогда вступит в действие закон больших магических чисел...

– Ты серьёзно?

– Это уже я придумал, – признался Громов. – Чтобы сбить градус пафоса.

Несколько секунд Даша смотрела ему в глаза, а затем расхохоталась:

– И устроить магический колхоз?

– Вроде того.

– Ты ему веришь? – Девушка вновь стала серьёзной.

– Ну... Мы с тобой не раз толковали на такие темы...

– То были простые разговоры.

– Согласен. Но ведь я сказал – во-первых. А он сделал и во-вторых.

– Удивил тебя?

– Ещё как. – Громов потёр шею.

– Каким образом?

– Когда Бранделиус понял, что я колеблюсь, он сказал:
«Виктор, постарайтесь сохранить равновесие...»

– И исчез! – ляпнула Даша.

Громов взглянул в окно. Лицо отвердело, будто он задумался о чём-то далёком и печальном.

– Ты что? – Даша легонько подтолкнула его левой ножкой.

– Исчез, – подтвердил Виктор. – Только не он, а я.

Самые лучшие слова, что подошли бы к данной ситуации:
«...сказку сделал былью».

...Дома, берёзы, облака – всё сдвинулось и потекло легко, словно обратилось в дым, в призрачную субстанцию, послушно исчезая перед взором Громова. Остались лишь земля и небо, остались, но изменились: земля оказалась жёлтой, южной, прокалённой солнцем, а небо – ровно блекло-голубым, безоблачным, наполненным белым сиянием жаркой звёзды. И вокруг, насколько хватало взгляда, не было больше ничего: лишь земля и небо, до горизонта...

Он не успел испугаться: тупо озираясь, медленно приходя в себя, присел, прикоснулся к чужой земле, испачкал руку в жёлтом и вдруг – снова мгновение прохождения через призрачное ничто – вернулся в раннюю уфимскую осень.

И лишь испачканная в пыли ладонь подтверждала, что невероятное путешествие имело место быть.

– Виктор!

Громов резко развернулся.

– Эффектно?

– Да уж... – Слова давались с трудом.

– Привыкайте.

– К таким путешествиям?

– К магии, – деловито уточнил Бранделиус. – К волшебству.

Виктор был оглушён, ошарашен, обескуражен... и ещё чёрт-те сколько всяких «о» – поэтому, когда новый знакомый с властной фамильярностью взял его под руку и повёл, он послушно повлёкся, не слишком соображая, куда еговедут и зачем. Лишь бился в голове вопрос: «Но как?!»

– Я ведь сказал, что умею управлять той энергией, которую вы только чувствуете.

– Вы прошли обряд?

– Нет. Я оказался силён и снёс барьер, который мешает вам. Я прошёл его, прикоснулся к Неведомому...

– И как?

– Это ощущение невозможно описать – его нужно почувствовать. Им нужно жить.

– Всемогущество?

– Нет, но очень близко. Я умею значительно больше, чем все остальные, но при этом, если бы меня попросили охарактеризовать то, что я переживаю, в первую очередь я бы произнёс слово «одиночество».

– И больше никого вокруг?

– Не могу найти.

– А все эти экстрасенсы?

– Ваше определение «все эти» и служит ответом на вопрос.

– Понимаю.

– Я одинок, Виктор, я обладаю силой, но мне не с кем её разделить. – Они остановились у машины Громова, готовились расстаться, и Бранделиус говорил очень искренне, дружески держа собеседника за плечи. – Я мечтаю оказаться среди сильных, раскрывшихся людей.

– И я...

– Вы можете стать одним из них...

– Вы договорились встретиться? – тихо спросила Даша.

– Да, но я ещё не знаю, пойду или нет. – Виктор вновь потёр шею, он всегда так делал в минуты задумчивости.

– Почему? Ты ведь сказал, что демонстрация удалась.

– А если удастся церемония, то мы обретём сверхспособности.

– Мы? – удивилась девушка.

– Ты ведь тоже чувствуешь, – улыбнулся ей Громов. – Я сказал, что мы придём вдвоём.

– А он?

– Обрадовался.

– Занятно... Без меня меня женили...

– Выдали замуж тогда уж.

– Пусть так...

Сначала Даша почувствовала недовольство: она не люби-

ла отдавать решение в чужие руки, но навалившееся ощущение, а скорее предчувствие удивительного приключения заставило девушку принять случившееся спокойно.

А следующей фразой Громов окончательно растопил её сердце.

– Я без тебя не пойду, – твёрдо произнёс он. – Если всё это правда, то я хочу, чтобы мы заполучили новую жизнь вместе.

– Это важно? – Она смотрела мужчине прямо в глаза.

– Очень.

Даша улыбнулась. Виктор чуть приподнял брови, словно спрашивая: «Ты уверена?» – увидел вспыхнувший весёлый огонёк, понял, каким будет ответ, резко поднялся и подхватил девушку на руки.

– Мы успеем? – промурлыкала она. – Нам ведь скоро на работу...

– Работа тебя волнует больше?

– Ни в коем случае!

– Значит, плевать на неё.

И он понёс любимую в спальню.

Глава 2

Он приближается...

Тот самый день, тот самый эксперимент, та самая затея...

Он приближается – момент истины. Его первая, действительно значимая вершина. Проверка на прочность, которая покажет, на что он может рассчитывать в жизни. Первый шаг.

И теперь поздно отказываться – нужно делать, несмотря ни на что, нужно, потому что вряд ли он сможет ещё раз собрать столь огромную сумму и провести необходимую предварительную подготовку, но главное... Главное, что вряд ли он ещё раз сможет собраться с духом, чтобы рискнуть.

Момент истины приближается...

Возможно, сбудутся мечты...

Возможно, у него ничего не получится...

Возможно, придётся сражаться...

Но ясно одно – скучно не будет.

Он приближается...

...Арендованный Бранделиусом дом не был особенно велик – в сумме метров триста квадратных, – но при этом имел совершенно бескрайнюю гостиную с камином, баром и вторым светом, обставленную в развесёлом клубном стиле: мягкие кресла, в которых можно лишь полулежать, подушки, толстый ковёр... Гостиная всем своим видом призывала к

релаксации, полному расслаблению, как вариант – с бокалом чего-нибудь бодрящего, и великолепно подходила для приближающейся церемонии.

«Во время которой из болванок будут выкованы мечи...»

Антон Арнольдович медленно прошёлся по комнате, постоял у «французского окна», разглядывая небольшой сад – деревья ещё держали жёлтые листья, но скоро, очень скоро осень вступит в права и они улягутся ковром на аккуратный газон... Обернулся, скользнул взглядом по креслам, подушкам, дивану и попытался представить, как будут выглядеть здесь выбранные им челы. Как поведут себя? Что спросят? Как среагируют друг на друга? Не то чтобы это имело слишком большое значение, но Антон привык продумывать свои действия до последней мелочи. Он не любил сюрпризов, не желал нарваться на такой во время сверхважной церемонии, вот и готовил варианты действий на любое событие, ответы на любой вопрос...

Но главное, что его тревожило, можно было сформулировать так: «Вы такие разные... Какими вы станете?»

Что случится с челами после церемонии?

Кто откроет глаза в расслабляющей гостиной?

Лицо Бранделиуса стало жёстким. Исчез бесцветно-обходительный интеллигент – немного мечтательный, ранимый, склонный к самокопанию... Обманчивая мягкость скрылась в резко обозначившихся морщинах, словно испугавшись хищного прищура глаз. Сейчас посреди гостиной стоял без-

жалостный стратег, холодно обдумывающий план сражения. И знающий, что находится в обстановке тотальной неопределённости, вынужденный решать задачу с шестью неизвестными... Нет! Шестеро будет челов, а неизвестных, то есть переменных, гораздо больше, ведь после церемонии они начнут жизнь заново, будут учиться, познавать, и каждая встреча, каждое событие и каждый удар из прошлого способны их изменить. И потому продумать события до финала невозможно, максимум – спрогнозировать следующий шаг.

«Ну и ладно!»

В конце концов, один шаг – это тоже хорошо, но...

Не из-за этого ли потерпели фиаско предшественники? Сгинули без следа, оставив после себя лишь клеймо неудачников. Они были, эти предшественники. За последние четыреста лет Перстень Парацельса оживал не менее девяти раз. Проходили церемонии. Появлялись обладающие способностями челы. А дальше...

Клеймо неудачников...

Что его предшественники делали не так? Тоже не послушали Хранителя?

– Дурацкий вопрос. – Он скрипнул зубами.

Хранитель – девчонка, что она может знать о реальной жизни? О страстях, сжигающих изнутри? О сладком чувстве превосходства...

ЧТО?!

Исполнение её глупого условия задержало бы Антона на

несколько лет, а возможно, на несколько десятилетий, ведь Парацельс не успел сделать самое главное, или... Или он сделал, как хотел? Где ответ? О чём мечтал средневековый колдун, изобретая свой чудовищный артефакт? Чудовищно притягательный... Чудовищно сильный...

ЧЕГО ТЫ ХОТЕЛ, АЛХИМИК? ВРАЧ... КОЛДУН...

Антон расшифровал все обнаруженные в шкатулке записи, увидел, что из них был изъят последний пергаментный лист, и теперь мучился, сомневался, терзался... В общем, вёл себя так, как не имел никакого права себя вести перед важнейшим мероприятием.

ЧЕГО ТЫ НЕ ДОДЕЛАЛ, ПАРАЦЕЛЬС?! В ЧЁМ ТЫ ВИДЕЛ НЕСОВЕРШЕНСТВО АРТЕФАКТА?!

Бранделиус не удержался: добежал до кабинета, выдернул из защищённого магией сейфа деревянную шкатулку, раскрыл её и жадно перебрал пергаментные листы, скользя полубезумным взглядом по знакомым, почти выученным наизусть строчкам старинного письма.

Потом достал тяжёлый золотой перстень, украшенный крупным синим камнем, положил его на ладонь и вздохнул, разглядывая сокровище, ради которого рискнул подставить самого Хранителя. Ключ к невероятной власти или...

«Или к бесславной гибели?»

Никому ещё не удавалось использовать секрет Парацельса в своих интересах, никто не смог оседлать волну, которую поднимал активизированный артефакт, – проигрывали

все. Но на их место приходили другие, которые правдами и неправдами добывали загадочное наследство великого колдуна и пытались его использовать.

Не страшась неудачи предшественников, потому что приз见得лся невероятным.

«Ты сказала, что его нужно доработать, – продолжил Антон заочный спор с Хранителем. – Но почему ты так сказала? Кто дал тебе право решать за Парацельса? Интерпретировать его достижения? Кто?.. Неужели у тебя есть этот последний лист пергамента?»

Он вздрогнул, но тут же покачал головой: если бы был, то к чему маскарад? Почему просто не сказать, в чём загвоздка?

«Нет, ты тоже блуждаешь в потёмках, но, в отличие от меня, не понимаешь...»

Истины.

Которая заключается в том, что человек слаб и раскрытие его потенциала ничего не изменит: сверхвозможности не сделают труса и подонка благородным героем, а лишь вложат в его руки невероятное оружие.

«И поэтому Парацельс позаботился о страховке! Для этого связал получившихся существ с мастером церемонии, не желая выпускать в мир свору неконтролируемых психопатов с возможностями суперменов – НЕТ! Мы с Парацельсом этого не допустим!»

Но почему не получилось у предшественников?

Из-за Тайного Города? Если так, то он принял все меры предосторожности и сумеет уберечь себя от внимания Великих Домов...

«А как же Меркель?»

«Он не посмеет меня предать. Сейчас – из любопытства, а чуть позже – из страха».

Бранделиус не питал иллюзий насчёт шамана и его иллюмината, но не мог обойтись без помощи контрабандистов – ему требовались энергия и вещества, доступные лишь в Тайном Городе, а обеспечить их бесперебойную доставку мог только Меркель. Жадный, подлый, ненадёжный, а потому требующий большого внимания Меркель. При этом Антон не сомневался, что сумеет удержать хитрого белоруса под контролем.

«Но почему не сложилось у предшественников?»

Не совладали с новой силой: капризной, своенравной и непредсказуемой? Им казалось, что они овладели ею, им уже чудилось, что могут всё! А она играла с ними, тешилась, ухмылялась невидимо? Она дарила иллюзию величия, и когда они попадались в ловушку, сила захлопывала её, и незадачливый «повелитель мира» видел прямо перед собой лик смерти.

Каков он, тот лик?

Бранделиус не замечал, что тягостно оцепенел, пытаясь представить тупик, конец пути, в который неизменно упрулись те, кто горделиво считал себя вознесённым над серой

и тупой человекомассой. Ведь это же... это достойно пера Шекспира! Воистину! Сначала у избранника раскрывались огромные, величиной в половину неба, крылья, он чувствовал, как магическая сила возносит его над всеми, превращает скучную, давно надоевшую жизнь в дивное пространство, где возможны невероятные чудеса, да не просто возможны, а вот они, в его руках, он творец этих чудес, он владыка мироздания!

«Стоп! Стоп!! Стоп!!!»

Не надо думать о смерти!

В чём непредсказуемость силы? Чего не учли предшественники? Где тот рубеж, перейдя который они провалились в пропасть?

Ответа не было.

Было лишь понимание того, что сам он не отступит, даже если ничего не узнает о черте, за которой его ждёт клеймо неудачника...

* * *

– У Бранделиуса? – переспросил Меркель.

– Да, – кивнул Мустафа. – Он в Пугачёвской слободе плотно сел, надёжно.

– Как в крепости?

– Ага. – Иллюминат помолчал, подбирая слова, после чего продолжил: – У Бранделиуса очень хороший дом...

– Его?

– Арендовал.

– Дорогой?

– Да не в этом дело, – отмахнулся Джафаров, недовольный тем, что Меркель оседлал своего любимого финансового конька и в первую очередь интересуется меркантильными нюансами. – Дом хороший, надёжно укреплен и хорошо закрыт магией. Там работают особые заклинания, которые не позволяют увидеть, что происходит внутри, и не выпускают ничего наружу.

– Он сам навёл эти заклинания?

– Думаю, артефакты купил, – тут же, а значит, он об этом думал, ответил Мустафа. – Бранделиус не похож на сильного мага, а защита там высочайшего уровня.

– Вот зачем ему нужна энергия...

– Ага. – Иллюминат помолчал. – Защита на доме такая, что внутри может работать даже Источник магической энергии – мы всё равно ничего не определим. – Ещё одна пауза. – Даже странно, что он сумел выстроить такое укрепление у нас под носом.

– Мы не следим за Уфой, а живём здесь, – недовольно ответил Меркель.

– Согласен...

– А выставить защиту – это активизировать несколько артефактов. Минутное дело.

– Согласен, – уныло повторил Мустафа. – Но случись что,

спрашивать будут с нас.

Кто спросит, иллюминат не уточнил, потому что не требовалось: Великие Дома спросят, которые очень не любили, когда магия расплзается по миру, смущая заурядных человдыханием настоящего колдовства и вызывая появление никому не нужных скандальных заголовков газет.

Все колдуны Тайного Города понимали смысл сочетания слов «режим секретности» и знали, чем грозит его несоблюдение. Нарушители, безусловно, находились, но ни Авдотию, ни Мустафе не улыбалось оказаться в их числе. Но и упустить возможность подзаработать они не хотели, и потому Меркель отправил компаньона в Пугачёвскую слободу, где снял дом Бранделиус. И потому его так сильно не обрадовало услышанное.

– Парень готовится к чему-то очень серьёзному.

– Мы так и думали, – напомнил Джафаров. И нахмурился: – Хочешь отступить?

– Я пока не вижу денег, – вздохнул шаман, постукивая пальцами по столешнице. – Что мы продадим Великим Домам, если не сможем ничего выяснить?

– Продадим неприятности, которые он устроит, – пожал плечами Мустафа. – Как только начнётся что-то непонятное – сразу же звоним в Службу утилизации.

– Это будет не продажа, а мольба о помощи, – наставительно произнёс Меркель. – Это будет тот самый случай, когда звонить надо было три дня назад, и нас крепко нагнут за

чужой беспредел.

– Так давай позвоним прямо сейчас! – не выдержал иллюминат.

– А вдруг на Бранделиусе можно поднять миллионы?

Компаньоны одновременно вздохнули. С печалью. Искренне не желая упускать возможность. Искренне не желая получить по мозгам от разъярённых Великих Домов.

Жизнь мага трудна, и чтобы много заработать, нужно иногда крепко рискнуть. А перед тем как рисковать, нужно всё крепко обдумать.

– Внутрь заходил? – поинтересовался Авдотий.

– Попробовал.

– И?

– Голем.

– Врёшь!

За пределами Тайного Города маги неохотно использовали големов как раз из соображений сохранения секретности: бывали случаи, когда у боевых кукол отключалось управление, что приводило к серьёзным неприятностям. Тот факт, что Бранделиус их использовал, говорил о его уверенности в себе. И ещё об отсутствии у него иных защитников.

– Я дождался, когда Бранделиус уедет, коротким порталом прошёл через ограду...

– У него наверняка стоят «Серебряные колокольчики».

Это простейшее охранное заклинание не могли отключить даже самые сильные маги.

– «Серебряные колокольчики» не могут определить, кто именно нарушил периметр, они просто поднимают тревогу, – напомнил Мустафа. – Поэтому я пошёл прямо на видеокамеру и передал на неё изображение кота.

– Умно.

– Старый трюк.

– Сработал?

– С Бранделиусом – да. А вот с его големом – нет.

Как выяснилось, пространство около дома заезжий маг защитил серьёзными заклинаниями, срабатывающими и на челов, и на кошек, и даже, возможно, на крупных насекомых: рисковать Антон Арнольдович не любил. И как только Мустафа приблизился к облюбованному для проникновения внутрь окну, из ближайших кустов, как чёртик из табакерки, выскочил невысокий крепыш в спортивном костюме, обладающий великолепной реакцией и – возможно! – хорошо поставленным ударом.

– Модель я не разобрал, извини, едва успел запустить артефакт портала...

И сбежать из сада, пока голем не начал действовать.

– Ты уверен, что это была именно кукла? – недовольно уточнил Меркель.

– Я просканировал сад перед проникновением – там никого не было. А значит, сработал «спящий» артефакт.

– Бранделиус хорошо подготовился.

– Согласен...

Однако продолжить рассказ Мустафа не успел: телефон шамана забил бубном, Меркель взял его в руку, посмотрел на экран, скривился, но кнопку ответа нажал:

– Да?

– Авдотий, дорогой, ты удовлетворил своё любопытство или твой дружок предпримет вторую попытку? – благодушно осведомился Бранделиус.

– Любопытство я не удовлетворил, но надоедать больше не буду, – осторожно ответил белорус. – Я ведь должен был тебя прощупать.

– Я ждал.

– Я догадался.

– Хорошо... – Бранделиус выдержал многозначительную паузу. – Авдотий, дорогой, ты видишь с той стороны стекла муху?

Меркель резко повернулся и уставился на крупное чёрное насекомое, которое неспешно ползало по окну.

– Вижу.

– Смотри внимательно...

Подчиняясь неслышному приказу, муха взлетела со стекла, отдалившись метров на десять от дома, заложила плавный вираж и, резко набрав скорость, рванула обратно.

– Смотри...

Чёрная точка напоминала пулю, и шаману показалось, что она обязательно разобьёт стекло, влетит внутрь, точно ему в лоб, голова разлетится на тысячу частей...

И Меркель в панике подскочил с кресла в тот самый миг, когда муха врезалась в окно.

– Ты чего? – изумился Мустафа.

Муха погибла.

Авдотий Платонович судорожным движением вытер выступивший на лбу пот, да так и замер с поднесённой к голове рукой: стекло пошло трещинами. Крепкое и надёжное, оно буквально разваливалось на куски, как будто в него и впрямь влетела пуля.

– Там особая алхимическая кислота. – Бранделиус негромко рассмеялся. – Представляешь, что было бы, врежься муха в тебя?

Меркель сглотнул. Мустафа, только сейчас сообразивший, с кем разговаривает компаньон, сделал шаг, с любопытством оглядел разрушения и покачал головой.

– Я всё понял, – тихо сказал шаман.

– Позвони, как соберёшь заказ.

– Обязательно.

В трубке слышались гудки.

– А он умеет нагнать страху, – оценил Джафаров. – На тебе лица не было.

– Не только лица... – Меркель оглядел брюки, убедился, что мочевого пузырь не подвёл, вернулся в кресло и посмотрел на компаньона. – Он меня разозлил.

– Позвоним Великим Домам?

– Нет... – Шаман снова побарабанил пальцами по столу. –

Я не хотел этой войны, но теперь считаю, что придётся... Да, пожалуй... Так надо...

– О чём ты говоришь?

– О том, что Бранделиусу необходимо устроить неприятности.

– И ещё нам нужно оплатить замену стекла.

– Позвони в фирму, пусть пришлют замерщика.

– Хорошо.

Авдотий кивнул, показывая, что услышал ответ, и продолжил:

– Сегодня, пока ты лазал по саду Бранделиуса...

– Я там чуть не погиб! – обиделся Мустафа.

– А я в это время наводил справки. – Меркель кивнул на компьютер. – И выяснил, что никакого Антона Арнольдовича Бранделиуса в Тайном Городе нет и никогда не было. Это совершенно определённо – «Тиградком» не ошибается.

– Мы понимали, что это псевдоним, – хмыкнул иллюминат.

– Поэтому я сделал запрос на чловеских колдунов, которых объявляли в розыск, но не нашли.

– Гм... – Джафаров с уважением покачал головой. – Я бы не додумался.

– Поэтому ты поехал в Слободу, а я остался у компьютера, – язвительно ответил Авдотий.

– Хватит острить.

– Извини. – Шаман открыл файл с фотографиями. – Так

вот, за последние пять лет были объявлены в розыск и не найдены всего трое. – Он повернул монитор к компаньону. – Соответственно, они считаются мёртвыми.

– Генетический код?

– Все трое ухитрились представить в Зелёный Дом ложные образцы, и найти их с помощью удалённого поиска невозможно.

Почти две минуты Мустафа молча изучал фото, после чего уверенно заявил:

– Бранделиуса тут нет.

– Я тоже так подумал сначала, – не стал скрывать Меркель. – Но, к счастью, вовремя вспомнил, что у одного моего приятеля есть забавная программа, позволяющая моделировать последствия пластических операций. Я переслал ему фото, и – вуаля! – Авдотий нажал ещё одну кнопку, открыл фотографию и абсолютно довольный произведённым эффектом откинулся на спинку кресла. – Нашего друга зовут Яан Сиби. Его ищут уже два года.

– Ты уверен насчёт программы твоего приятеля? – негромко спросил Мустафа, разглядывая изображение человека, чертовски, если не сказать ещё сильнее, похожего на Бранделиуса.

– Абсолютно!

– И кто же его ищет?

– Заказчик действует инкогнито, – развёл руками белорус. – Поэтому я тоже не стал ничего о себе рассказывать,

а просто дал наводку на Бранделиуса. Хочу посмотреть, кто приедет и что этот «кто-то» будет делать.

* * *

– Очень плохо!

– Скорее!

– Есть тут врач?!

– Скорее!

И через несколько секунд тревожный голос по внутрисалонной громкой связи:

– На борту есть врач? Если есть, пожалуйста, обратитесь к главному стюарду.

Суэта в хвосте самолёта не осталась не замеченной пассажирами салона бизнес-класса. Ну, то есть последствия суеты: тревожные лица стюардов и стюардесс, громкие голоса пассажиров, непонятная и ненужная толкотня в проходе – когда мужики вылезают «вдруг надо помочь», понимают, что в данном случае от них ни черта не зависит, но не возвращаются в свои кресла, а принимаются стоя обсуждать происходящее, создавая затор на ровном месте.

– Ну надо же: лететь всего час, а они всё равно успевают плохо себя почувствовать, – пробормотал бородатый модник в стильном джемпере и дизайнерских джинсах. – Будто специально ждали.

– Всего не предусмотреть, – пожал плечами его сосед,

мужчина лет пятидесяти, с удлинённым лицом, которому, кажется, было наиболее привычно выражение бесконечного уныния и тоски. Одет мужчина был в строгий, но явно дорогой деловой костюм, сорочку без галстука и лакированные туфли. И носил красивое кольцо с чёрным камнем на мизинце левой руки.

– Согласен с вами, – кивнул модник. – Но уж больно они раздражают.

– Больные?

– Людишки из эконома.

– А-а... – Пожилой бросил на собеседника быстрый и оставшийся незамеченным взгляд, в котором отчётливо читались презрение и раздражение, после чего привстал: – Вы позволите?

– В смысле?

– Пройти.

– В туалет?

Теоретически нелепые расспросы должны были вызвать ещё большее неудовольствие пожилого, однако тот предпочёл сохранить на лице маску уныния.

– Я – врач, – негромко произнёс он. – Мне нужно в соседний салон.

– А-а... – Модник пропустил соседа, скорчив на физиономии выражение: «И охота вам тратить время на всякое быдло?» – и вернулся в кресло.

А пожилой прошёл в хвост самолёта, уверенно, можно

сказать – властно, раздвигая загородивших проход пассажиров, и обратился к стюарду:

– Что случилось?

– Вы...

– Врач, – ответил пожилой настолько веско, что дальнейших уточнений не потребовалось, и стюард принялся за сбивчивый рассказ:

– Сначала она пожаловалась на духоту...

Девушка лет двадцати пяти, не более. Косметики минимум. Волосы собраны в пучок. Дыхание тяжёлое, прерывистое, но в сознании. В глазах – испуг.

– Она жаловалась, что в груди болит, – добавила тётка с соседнего ряда.

– Будьте добры, организуйте вокруг свободное пространство, – вежливо попросил пожилой, присаживаясь в соседнее кресло и беря девушку за руку. – И включите, пожалуйста, кондиционер чуть сильнее.

– Станет холодно? – недовольно уточнила тётка.

– Станет приятнее, – не глядя на неё, ответил пожилой.

– Но...

– Сейчас сделаю. – Стюард удалился.

И странное дело: едва врач взял девушку за руку, как ей стало лучше. Немного, но заметно: выровнялось дыхание.

– Вы просто испугались, – по-прежнему тихо произнёс пожилой, мягко удерживая в ладони кисть девушки. – В какой-то момент вам стало некомфортно, возможно, слишком

душно, и вы запаниковали.

– У вас есть таблетки?

– Какие?

– Я не знаю... – Она слабо улыбнулась. – Какие-нибудь.

– Вам нужно просто успокоиться... – Девушка почувствовала, что страх и беспокойство пропадают, а вместе с ними – неприятная боль внутри. Как будто голос пожилого или его рука... В общем, как будто пожилой незнакомец делился с ней невидимой силой. – Как вас зовут?

– Лена.

– Очень приятно, Лена, меня называйте Кузьмой Георгиевичем... – И сразу же, совсем-совсем тихо: – Третий месяц, да?

Ей стало лучше настолько, что получилось восклицание:

– Как вы узнали?!

– Голубушка, я врачую уже сто... – Кузьма Георгиевич осёкся, улыбнулся и ровно продолжил: – Столько лет, что вас всех насквозь вижу. Нет, не третий – второй. Но первый раз, и потому вам страшно...

– Да.

– Я не спрашивал... – Мужчина вздрогнул. Ощутимо – дрожь прошла через всё тело, – и девушка решила, что он собирается подняться.

– Пожалуйста, не уходите.

– Я и не... – Голос стал сиплым, поэтому врачу пришлось откашляться. – Я и не собираюсь, голубушка. К тому же уйти

отсюда довольно затруднительно – мы немножко летим.

– Меня муж встречает, – сообщила Лена, закрывая глаза.

В салоне стало чуть прохладнее. Воздух, если можно так выразиться, посвежел, и стало проще дышать. Пассажиры, убедившиеся в том, что ситуация под контролем и трагедии не предвидится, разбрелись по креслам, и никто не обратил внимания на побледневшую кожу врача, ставшие резкими морщины и то, что он, лишь недавно полный сил, выглядит изрядно уставшим, словно не рядом с девушкой в кресле просидел последние минуты, а тягал штангу или бегал по стадиону.

– Я бы не советовал вам летать до рождения сына...

– Откуда вы знаете, что будет мальчик?

– По форме живота.

– Правда?

– Я тридцать лет больничные выписываю, – усмехнулся врач. – Так что да, правда.

– А на УЗИ сказали, что непонятно.

– Много они понимают. Вам лучше?

– Намного.

Он ободряюще улыбнулся и уверенно, глядя девушке прямо в глаза, продолжил:

– Всё будет хорошо, Лена, вы нормально долетите до Уфы, но в аэропорту вас будет ждать «Скорая», потому что я не хочу рисковать и потребовал осмотра в стационаре. Но я уверен, что угрозы выкидыша нет.

– Спасибо...

– А теперь вам лучше вздремнуть.

– Пожалуй.

Она послушно закрыла глаза, и уже через несколько секунд её дыхание выровнялось, показав, что девушка погрузилась в спокойный сон.

А врач ещё раз улыбнулся, мягко высвободил руку и поднялся с кресла.

– Нам повезло, что вы акушер, – негромко произнёс стюард.

– Я? – удивился Кузьма Георгиевич. – Дорогой мой, я психиатр.

– Ой. – Стюард ошарашенно уставился на врача. – Правда?

– Вы разве не заметили, я с ней просто поговорил? – Кузьма Георгиевич достал платочек и аккуратно вытер лоб.

– А как вы узнали насчёт мальчика?

– У меня двое детей и шестеро внуков, – рассмеялся врач. – Так что пол будущего ребенка я могу определить даже во сне.

...Окончание полёта прошло как, впрочем, было обещано – без приключений.

Кузьма Георгиевич объяснился с врачами из подъехавшей к аэропорту «Скорой», пожелал сонной девушке удачи, перебросился несколькими словами с её обеспокоенным мужем, проводил их и только после этого отправился на парковку у

аэровокзала.

Пассажиры уже разъехались, других самолётов в ближайшее время не ожидалось – ни на вылет, ни на прилёт, и на довольно большой площади было пусто – машины три, не больше, среди которых выделялся массивный американский внедорожник с тонированными стёклами и мощным таранным бампером.

К нему-то и подошёл доктор, открыл дверь и уселся рядом с водителем.

– Как долетели, брат Петриус? – поинтересовался тот, мягко трогая машину с места.

– Хорошо. Добрый вечер, Керио.

– Добрый вечер, брат Петриус. – Короткая пауза. – Вы выглядите усталым.

– Человской женщине стало плохо, и мне пришлось спасти её ребёнка.

– В смысле, ребёнку стало плохо?

– В смысле, у бедняжки почти случился выкидыш, и пришлось принимать экстренные меры.

– На которые вы угробили весь свой запас магической энергии?

– Его можно восстановить. – Петриус извлёк из портфеля маленькую чёрную пирамидку, прочитал короткое заклинание и крепко сжал её в руке, впитывая поступающую энергию.

– Никогда бы не подумал, что эрлиец займётся врачева-

нием бесплатно, – поддел собеседника водитель.

– А если бы на неё напали? Ночью. В тёмном парке... – Бледность исчезла, но брат Петриус продолжал говорить медленно и устало: – Неужели вы не убили бы нападавшего?

– Убил бы, – поразмыслив, ответил Керио.

– И выставили бы счёт?

– Э-э... – Водитель был профессиональным киллером, получающим плату за каждую отнятую жизнь, но сейчас он с улыбкой признал: – Подловили.

– Знаю. – Эрлиец убрал опустевшую пирамидку в портфель и осведомился: – Узнали что-нибудь интересное?

– Я приехал в город всего на шесть часов раньше вас, – напомнил водитель.

– И ничего не выяснили? – притворно удивился врач.

– Если вам интересно, нашёл ли я вашего друга Сиби, то нет, не нашёл. Он очень хорошо прячется, и магическое сканирование ничего не показало... В смысле, показало только известных колдунов.

– Как же мы его отыщем? – В голосе Петриуса послышалось разочарование, он явно надеялся, что цель обнаружена.

– Мы найдём Сиби через тех, кто отправил вам послание, – спокойно объяснил Керио.

– Я же говорил, что проследить отправителя не получилось даже у моих знакомых из «Тиградком».

– В этом нет необходимости, – усмехнулся водитель. – Сиби планирует провести сложный обряд?

– Да, – кивнул эрлиец. – Сложный и требующий серьезного подготовительного периода.

– Значит, ему нужна магическая энергия и припасы?

– Безусловно.

– В таком случае он, вероятнее всего, обратился к Меркелю, которого считают главным в Уфе контрабандистом.

– Меркель? – Петриус поднял брови. – Пакистанец?

– Скорее всего, хорват.

– Откуда в Уфе хорват?

– Из Тайного Города, – пожал плечами водитель. И развил тему: – Если хотите, можно поехать к Меркелю прямо сейчас; как показывает опыт, челы крайне нервно переносят ночные допросы, и нет никаких сомнений в том, что наш друг продемонстрирует невероятную искренность.

– Нет, – поколебавшись, решил брат Петриус. – Хватит на сегодня челов, я хочу отдохнуть.

– Как скажете.

И внедорожник взял курс на «Хилтон».

* * *

При расставании Бранделиус пообещал позвонить, но свой номер не оставил, взял лишь телефон Виктора, и потому следующие две недели стали для Громова настоящей пыткой.

Нет, первые дни дались легко: Виктор не сомневался, что

новый знакомый вот-вот объявится, а потому вёл себя как обычно, правда, всё время пребывая в приподнятом настроении, подобно человеку, который точно знает, что скоро в его жизни случится нечто безусловно приятное, и спокойно ожидает заслуженную радость.

Но время шло, Бранделиус не давал о себе знать, и в душу Виктора стали закрадываться сомнения.

Первая мысль: а не стал ли я жертвой розыгрыша? Чего проще: подкараулить одинокого прохожего в укромном и довольно таинственном уголке и навешать ему лапши на уши, чтобы... И вот тут сомнения улетучивались, потому что розыгрыш всегда имеет конкретную цель – посмеяться над жертвой, причём, как правило, сразу же после спектакля, а ничего подобного с Громовым не произошло. Более того, продемонстрированный Бранделиусом трюк показался необычайно реалистичным, доступным лишь опытному фокуснику, который должен был долго готовиться... И снова возникает вопрос: зачем? Кто пойдёт на такие расходы ради неизвестно чего?

Убедив себя, что не стал жертвой мистификации, Виктор испугался другого – что оставил волшебнику неправильный номер. Встревоженный, он несколько раз возвращался к роще – в разные дни, в разное время – в надежде встретить Бранделиуса, но тщетно – таинственный знакомец как в воду канул.

Даша, которой не повезло принять участие в фокусе, а со-

ответственно поверить так же крепко, как Виктор, посмеивалась над другом, пару раз даже намекала, что встреча ему приснилась, и тем вгоняла Громова в ещё большую тоску.

Он ведь поверил!

А его обманули.

Или он сам себя обманул.

Или ошибся и тем лишил себя возможности прикоснуться к Неведомому, изменить жизнь...

Виктор не расставался с телефоном, без конца подзаряжал его, опасаясь, что в нужный момент батарейка сядет и он не сможет принять звонок, постоянно посматривал на экран, проверяя, не выключился ли звук, он почти сошёл с ума, но, к счастью, Бранделиус не солгал.

– Виктор? Здравствуйте, это Антон Арнольдович...

Громов изо всех сил постарался удержать спокойствие – хотя сердце отчаянно ухнуло в неописуемо счастливую глубину и безумно захотелось завопить во всё горло: «Есть!»

Но сдержался. И ровным, разве чуть сдавленным голосом ответил:

– Здравствуйте.

Дом, надо отдать должное, оказался не помпезным сараем, выстроенным в стиле «Малиновый пиджак Forever», а небольшим, со вкусом отделанным коттеджем, стоящим в центре также небольшого, но очень уютного сада. С одной стороны, кусты и деревья не мешали любоваться стро-

ением, подчёркивая его аккуратную отделку, с другой – надёжно скрывали участок от соседей.

– Прошу, прошу, – радушно проговорил открывший дверь Бранделиус. – Наслышан о вас, Дарья...

– Алексеевна.

– Очень рад познакомиться. Все в сборе, ждём вас.

Виктор кивнул. Он ощущал нечто схожее с состоянием спортсмена перед стартом – смесь куража и тревоги. И потому, когда вошёл в комнату, где находились четыре человека, волнение застило ему глаза... Эти четверо для него как-то смешались, даже до странности смешались, образовав хаотический коллаж из лиц, и потребовалось секунд пять-шесть, чтобы сообразить: перед ним трое мужчин и женщина.

А хотя не так уж мудрено было сбиться, потому что женщина, точнее, девушка лет двадцати – двадцати трех, – оказалась типичной «унисекс»: короткая стрижка, клетчатая рубашка-ковбойка, прямые джинсы... Да и движения у неё получались угловатыми, лишёнными женской грации.

– Карина, – представилась она.

– Виктор.

– Даша.

– Очень приятно... – На три голоса.

К этому мгновению Громов вполне освоился, взгляд вернулся привычную наводку, и он увидел, что все присутствующие относятся к достаточно ровной возрастной категории: от двадцати до тридцати пяти. От Карины вот до этого ры-

жего парня с бледно-голубыми, почти белыми глазами.

– Герман.

– Очень приятно...

– Марат, – сказал третий.

Высокий, изящный, элегантный... Чёрные волосы, удивительно тонкие черты смугловато-матового лица, ещё не утратившие свежести, хотя Марату было не менее тридцати. Но главное – чувствовалось в нём нечто не от мира сего, какая-то сдержанная отстранённость от реальности.

– Профессиональный музыкант, – добавил Бранделиус. – Скрипач симфонического оркестра.

– Вторая скрипка, – скромно заметил Марат.

– Пока.

– Да нет, – вяло усмехнулся оркестрант. – Навсегда.

– Ну, никогда не говори «никогда»...

– Я и не говорю – «никогда». Я говорю – «навсегда».

– Достаточно захотеть...

– И всё? Только захотеть? – Чувствовалось, что для Марата, несмотря на демонстративное равнодушие, номер скрипки давно и прочно превратился в болезную тему. – И больше ничего не надо?

– Да, только захотеть! – подтвердил Антон Арнольдович и неожиданно пробарабанил пальцами сложный ритм, судя по изумлению на лице музыканта, очень сложный. – Ваши новые способности, друзья мои, позволят идеально контролировать себя, двигаться с уникальной точностью и совершен-

ством. Ты станешь первой скрипкой.

Марат промолчал.

Даша бросила на Виктора быстрый взгляд, но тот лишь слегка пожал плечами.

Почему-то вышло так, что последним, на кого обратил внимание Виктор, оказался рослый, спортивно-подтянутый, плечистый, но не перекачанный – словом, очень гармонично сложенный парень лет двадцати пяти. Шатен с преувеличенно аккуратным, подчёркнуто старомодным зачёсом, носящий вычурно-стильные тёмные очки типа «бабочка».

Впрочем, ничего удивительного, что для Виктора и Даши этот персонаж оказался как бы в тени. Он – намеренно? – не выставлялся на первый план, сидел в углу за старинным комодом и не проявлял ни малейшего желания приветствовать новых гостей.

– А теперь позвольте представить самого загадочного члена нашей команды! Без имени и без лица.

Сидящий лениво повернул голову к вошедшим и словно нехотя произнёс:

– Давайте сразу... чтобы всё прояснить на берегу: рукопожатия считаю пустой привычкой... всякие там дружески приятельские кренделя тоже. Делу они лишь помеха. А по делу можете не сомневаться. Считайте, что вам со мной повезло.

Слова и манера, в которой они были произнесены, произвели на Виктора неприятное впечатление, на Дашу, су-

дя по всему, тоже – девушка не сдержала брезгливой гримасы. Остальные восприняли речь спокойно... или же Громов не успел разглядеть на их лицах неудовольствия. Но все промолчали, никак не реагируя на высказывание обладателя чёрных очков, поэтому хозяину дома пришлось снова взять слово, чтобы сгладить возникшую неловкость.

– Дорогие друзья! – Бранделиус развернулся так, чтобы оказаться лицом ко всем гостям. – Я говорил каждому из вас, но с удовольствием повторю снова: мы встретились не случайно, не по воле Судьбы, как кто-то мог подумать, нет. Мы встретились, потому что мы – необычные, не такие, как все, и это проявлялось и во внешности, и в поведении...

Виктор добросовестно задумался над тем, как его необычность проявлялась в поведении? Но тут же спохватился – речь хозяина лилась дальше, и пропускать её было нельзя.

– Да, мы все яркие индивидуальности, хотя у кого-то эта яркость приглушена, но есть и те, чьи повадки кажутся... ну, слишком уж экстравагантными. Это нормально, это надо понять и принять.

Присутствующие дружно посмотрели в дальний угол.

– Это был камешек в мой огород? – вяло поинтересовался обладатель чёрных очков.

– Разумеется, – спокойно ответил Бранделиус. – Но не камешек, а демонстрация того, что я с уважением отношусь ко всем. Ибо знаю: необычность внутренняя идёт рука об руку с необычностью внешней.

– Так как же нам всё-таки вас называть? – с лёгкой иронией поинтересовалась Даша.

Спрашиваемый какое-то время разглядывал девушку, после чего буркнул:

– Сатурн.

– О как! – тут же высказался Громов, которому не понравился слишком долгий взгляд этого типа на Дашу. – А что же не Юпитер?

– Юпитер у нас вы! – рассмеялся Бранделиус, ловко переводя разговор в шутливый тон: – Ведь «Виктор Громов» в античном мире звучало бы примерно так – «Юпитер-победитель».

Гости рассмеялись, атмосфера потеплела, и в гостиной постепенно завязался разговор. Слово за слово, и выяснилось, что Герман – частный предприниматель; правда, что именно предпринимает, не сказал, а спрашивать вроде бы как-то неловко... Унисекс Карина оказалась «вечной студенткой»: три года на математическом факультете, потом поняла, что «не её», бросила точную науку и перешла на психологический, знания которого грызла по сей день. Музыкант Марат рассказал пару баек из жизни симфонического оркестра, Дарья мгновенно поддержала скрипача, припомнив бородатый финансовый анекдот, а Виктор выдал несколько забавных случаев из своего банка...

Сатурн не принимал участия в разговоре, сидел, небрежно развалившись в кресле, нога на ногу, и словно бы ему

дела не было до всего окружающего, но о нём быстро забыли. Особенно после того, как Бранделиус откупорил бутылку двенадцатилетнего виски «для мужиков» и французское красное «для девочек»: под звон бокалов избранные ещё быстрее потянулись друг к другу...

– Похоже, ты изрядно вдохновилась, – негромко произнёс Виктор, когда они добрались до дома.

– Правда?

– Ты светишься изнутри.

– Неужели? – Даша засмеялась и приложила к лицу ладони. – А сейчас?

– Пылаешь.

– Не знаешь, почему?

– Кажется, догадываюсь.

– Да... – Девушка расстегнула блузку, медленно прошла по спальне и распахнула шкаф. – Я верю своей интуиции, Витя, она, может, и не такая, как твоя, но она есть и сейчас говорит, что твой московский дяденька в самом деле тот, за кого себя выдаёт. А наши земляки... м-м...

Даша замялась с определением, и Громов пришёл на помощь:

– Экстрасенсы?

– За неимением другого, пусть будет так.

Прозвучало как-то «по-телевизионному», оставив на губах привкус ненастоящего, и потому Виктор неопределённо пожал плечами.

– А ты разве не ощутил? – Она взглянула пристально. – От ребят явно идёт... идут некие флюиды. И от нас, думаю, тоже. И когда мы собрались, неужели ты не ощутил суммарного эффекта? Ты! С твоим-то чутьём!

Почувствовал ли он? Пожалуй, некий подъём был, но не настолько сильный, чтобы вызвать бурный энтузиазм. И это показалось странным, потому что их первая встреча с Бранделиусом вскружила Виктору голову, а сейчас всё прошло на удивление серо. Неужели та самая интуиция, которая удостоилась столь лестной похвалы от девушки, намекает, что дело не настолько ясное, каким кажется, и, возможно, опасное?

– Ты просто бирюк по натуре, – рассмеялась Даша, стаскивая джинсы. – Тебе не понравилось, что Антон распределил своё внимание на всех.

В середине вечера Бранделиус договорился с девушками, что они будут называть его по имени. Мужчинам было сказано – почти в шутку, – что рано или поздно им тоже повезёт.

Громова это покорило.

– Может, ты и права.

И в следующий миг подумал, что они с Сатурном похожи, только тот не скрывает своего нежелания общаться, а он, Громов, Юпитер-победитель, лицемерит.

– Как бы там ни было, Антон Арнольдович предлагает необычайный эксперимент, отказываться от которого глупо.

– Но чем он закончится?

– Или у нас получится, или нет. – Она подошла к трюмо, наклонилась соблазнительно и стала внимательно изучать левую щёку. – Разве непонятно?

– Если не получится, мы останемся такими, какие есть, и будем гордиться тем, что у нас хватило смелости попробовать, но...

– Ты боишься перемен? – Даша не отвлеклась от зеркала, но вопрос, несмотря на показную небрежность, прозвучал не так шутивно, как ей, наверное, хотелось бы.

– Я не знаю, во что мы превратимся, обретя особые способности, – честно признался Громов. – И чем больше я об этом думаю, тем сильнее мне кажется, что мощная сила способна завести нас слишком далеко...

– На сторону Тьмы?

– Если хочешь – да.

Даша переступила с ноги на ногу – соблазнительно – и осведомилась:

– Разве Антон – чудовище?

– Бранделиус вырос с пониманием своей силы, сроднился с ней, его личность формировалась с учётом этого фактора. – Громов явно ждал подобного вопроса. – А что натворит Сатурн, заполучив сверхспособности?

– С ним мы справимся, – не очень уверенно отозвалась Даша.

– А может, не надо ничего делать? И тогда не придётся справляться.

– Просидеть всю жизнь в чулане?

– Почему в чулане?

– В чулане своего тела, в тесной каморке, зная – зная! – что вокруг – сияющий дворец! Ты предлагаешь остановиться и потом до старости жалеть, что мы не попробовали всё изменить? Ты это предлагаешь? Самый романтичный человек из тех, кого я знаю?

– Ну... – Громов заметно смутился. Поскольку понял, что девушка не хвалит его романтизм, а обвиняет его в трусости.

– Я собираюсь рискнуть. – Она повернулась к нему лицом и сняла лифчик. – Что скажешь?

Что сказать? Только одно – мало кто из людей знает, что таится в его собственных душевных подземельях, какие демоны ждут там своего часа и найдутся ли силы их побороть. Вот что хотел сказать Виктор, но понимал – сейчас не время. Он хорошо изучил Дашу и видел, что дальнейшее развитие темы приведёт к ссоре, и благоразумно решил смягчить ситуацию.

– Я просто хочу быть осторожным.

– А я хочу, чтобы ты был диким.

– Насколько диким? – Он сделал шаг вперёд и медленно провёл рукой по кружевным трусикам – последнему, что оставалось на Даше.

– Необузданным, как мустанг.

– Свирепым?

– Неутомимым.

Она рванула рубашку, которую Виктор до сих пор не позаботился снять, и повалила мужчину на кровать.

Глава 3

– Я думала, церемония пройдёт в роще, – заметила Даша. – У точки силы.

– Я тоже, – поддакнул Виктор.

Бранделиус улыбнулся и самодовольно напомнил:

– Дорогие друзья! Вы позабыли, что ваш мудрый наставник давно работает с магической энергией и способен обеспечить вам точку силы в любом месте. Подчеркиваю: в абсолютно любом.

– Надеюсь, когда-нибудь я тоже так смогу, – вздохнула Даша.

– Организовывать точки силы?

– Управлять ею.

– Уверен, что сможешь, – пообещал Бранделиус. Помедлил и уточнил: – Все смогут, каждый из нас.

– После церемонии?

– Может, не сразу, но...

– Почему не сразу? – удивился Громов.

– Честно говоря, я не знаю, как быстро произойдёт инициация, – честно ответил Антон Арнольдович. – Может получиться так, что изменения будут происходить постепенно, шаг за шагом, словно исподволь...

– Но ведь не в течение ста лет? – кокетливо поинтересовалась девушка. – Не хотелось бы стать волшебницей-старуш-

кой.

– Ты всегда будешь прекрасной, – галантно отозвался «мудрый наставник».

– Ты обещаешь?

– Сила творит чудеса, и я намерен подарить тебе чудо.

– Рада слышать.

– Всегда пожалуйста.

Виктор на мгновение нахмурился, но промолчал, не желая показаться грубым. Или глупым. Или дерзким, рискнувшим бросить вызов человеку много сильнее себя.

А в том, что Бранделиус сильнее, Громов не сомневался.

«Но скоро всё у нас изменится...»

К дому в Пугачёвской слободе они с Дашей приехали первыми, но не потому, что больше всех торопились – так получилось: встали рано, в хорошем настроении, быстро позавтракали, попутно обсуждая, взять такси или отправиться на «Форде» Громова. Решили, что своя машина лучше, сходили за ней в гараж и неожиданно быстро – улицы оказались полупустыми – добрались до Слободы.

Бранделиус встретил их на улице, вышел из дому в тот самый миг, когда перед «Фордом» распахнулись ворота, тепло поприветствовал гостей и предложил подождать остальных здесь же, на утреннем солнышке: «Смотрите, какая замечательная стоит погода! Совсем не осенняя».

Погода и впрямь удалась: на небе ни облачка, чуть припекает, лёгкий ветерок несёт не прохладу, а свежесть, одним

словом – красота, и ребята, не раздумывая, согласились.

Однако завязавшийся разговор нравился Виктору гораздо меньше погоды.

– Антон, ты буквально засыпал меня комплиментами, – промурлыкала девушка.

Мягко, даже излишне мягко, но пока сохраняя дистанцию.

– Тебе не понравилось?

В ответ – лёгкая улыбка у девушки и лёгкая мрачность Громова.

– Извини, Даша, извините, Виктор, – виной тому исключительно хорошее настроение, – весело объяснил Бранделиус. – Для меня сегодня тоже важный день.

– Думал, вы будете волноваться.

– Почти не спал ночью, но под утро понял, что у меня всё получится, и с тех пор безмятежен, – рассмеялся москвич.

– Самый правильный подход, – одобрила Даша.

– Спасибо.

Виктор промолчал.

Следующим явился Марат – пришёл пешком, видимо, добирался на муниципальном транспорте; а ещё через несколько минут на такси подъехал Сатурн. Этот кивнул только Бранделиусу и, чуть выждав, Дарье – после чего уселся на лавочку, стоявшую рядом с крыльцом, и принялся ждать. По обыкновению, в гордом одиночестве.

Затем последовали несколько минут дежурных разгово-

ров ни о чём – темы церемонии молчаливо решили не касаться, – по истечении которых к дому подкатила серебряная «Субару» – подросли Герман и Карина. Оказалось, они жили чуть ли не в соседних домах, и, узнав об этом, Герман вызвался подвезти даму.

Виктор глянул на экран смартфона: 11.59. Учитывая, что договаривались встретиться в полдень, рыжий продемонстрировал прямо-таки снайперскую точность.

– Прошу в дом, – пригласил Бранделиус, которому тоже понравилась пунктуальность команды. – В гостиную. И располагайтесь с максимальным удобством.

– Можно снять обувь? – хмыкнул Герман.

– Да.

– Вы шутите?

– Куртки, обувь – разумеется. И устраивайтесь, как понравится: в креслах, на диване, если хотите – стаскивайте подушки на пол и ложитесь. Главное, чтобы вам было удобно.

– Будете распылять наркотики?

– Почти, – серьёзно ответил Бранделиус. – Я не знаю, получится ли у нас, но знаю, что такая мелочь, как затёкшая нога, ни в коем случае не должна помешать церемонии. Если выяснится, что вы не получили доступ к силе из-за того, что я поскупился на кресла или же потребовал «прилично» в них сидеть, я буду крайне разочарован.

– Звучит логично.

– У нас действительно есть цель...

– Цель превыше всего!

– В таком случае – располагайтесь.

И они последовали совету, развалившись и распластавшись так, как было максимально удобно. И лишь тогда Виктор понял, что Бранделиус, вполне возможно, лукавил: затёкшая нога церемонии не помешает, а вот обустройство удобных «гнёздышек» и возникшие в связи с этим смех и веселье позволили снять напряжение, овладевшее членами команды в начале встречи. Перебрасываясь шутками и подушками, они превратились в дружный – за исключением Сатурна, разумеется, – коллектив, над которым не висела тёмная аура ожидания неведомо чего.

Они расслабились.

Виктор понял и в очередной раз сказал себе, что Бранделиус гораздо умнее и хитрее, чем кажется.

– Может, нам и выпить нальют?

– Разумеется, – подтвердил Антон Арнольдович, удобно устроившийся в кожаном кресле с высокой спинкой – из него хозяин дома мог видеть всех членов команды. – Выпьем обязательно.

– Вы шутите?

– Я? – Бранделиус хлопнул в ладоши, и в гостиную вплыл большой серебряный поднос, на котором стояли шесть фарфоровых пиал.

– Ух! – не сдержался Сатурн, и стало ясно, что фокус удался: незамысловатый, но вовремя проделанный трюк не про-

сто произвёл впечатление, а по-настоящему удивил. И все шестеро как заворожённые уставились на остановившийся в центре гостиной поднос.

Кто-то тихонько выругался. Как показалось Даше – Марат.

– Это лишь малая толика того, что вам предстоит постичь, – проникновенно произнёс Бранделиус. – Каждый из вас будет уметь нечто особенное, нечто запредельное, нечто невероятное... Но всё это – после церемонии. А пока – угощайтесь.

Вставать не пришлось: поднос снизил высоту и медленно проплыл по воздуху мимо каждого из шестерых, притормаживая, чтобы тот смог спокойно взять пиалу.

– Предлагаю поднять тост за будущее! – Голос Бранделиуса дрогнул, и всем стало ясно, что он далеко не так спокоен, каким хочет казаться.

– А вы? – Герман обратил внимание, что хозяин дома остался без угощения.

– Я должен следить за происходящим. – Антон Арнольдovich раскрыл стоящую на маленьком столике шкатулку, достал и надел на средний палец золотой перстень с крупным синим камнем. – Я буду вести церемонию.

– Может, это наркотик и у нас начнутся галлюцинации... – неуверенно протянул Марат.

– Да, я воспользуюсь вашей беспомощностью, изнасилую всех и ограблю, – рассмеялся Бранделиус. – Кто думает так

– может не участвовать в представлении. Остальные...

– Вы шутите, а ведь кто-то может испугаться, – произнёс Сатурн и залпом выпил содержимое своей пиалы. – Кислит.

– Слишком сладко, – не согласился Герман.

– Нейтральное, как вода, – проворчал Виктор.

– Шипучка, – улыбнулась Даша.

– Сладкое, – вздохнул Марат.

– Сладкое, – подтвердила Карина.

Фарфоровые чашки вернулись на поднос, а люди – в свои мягкие «гнёздышки». Бранделиус повёл рукой, начиная медленно повышать уровень магической энергии, и одновременно принялся читать длинный текст заученного наизусть заклинания. Тихо, но постепенно повышая голос. Синий камень засветился, поглощая потоки магической энергии и перенаправляя их на расслабившихся участников церемонии, и Даша прошептала:

– Сила...

Сила текла не рядом, как раньше, как в той роще, а вокруг. Они погрузились в неё, но пока не сроднились с нею. Они плыли, но это мало отличалось от сидения на берегу полноводной реки: сила окружила, но не вошла в них.

Нужно было сделать следующий шаг.

Нужно было захлебнуться.

Сломать барьер страха.

– Сила...

Не прерывая заклинания, Бранделиус аккуратно добавил

мощности. Почувствовал, что перстень стал греться, улыбнулся и добавил ещё. Синие волны плавно таранили раскинувшихся челов, добежали до них – и терялись, рассыпаясь у невидимого барьера. Синие волны тоже хотели единения – слово Парацельса гнало их вперёд.

– Сила...

Внешний мир отступил и полинял. Контурь предметов поплыли. Громкий голос Бранделиуса, нараспев читающего на латыни, стал тихим и почти пропал, зато громогласно ударили секунднье стрелки наручных часов...

Мир изменился. Встал на грань, переломился, новая его форма вонзилась прямо в сердце, и Виктору почудился крик.

Может быть, его.

Может быть, чужой.

А в следующий миг рассыпалось всё...

* * *

Кричала Карина.

Но не от страха, а потому, что не выдержала напора эмоций и новых чувств. От неожиданности.

И от восторга.

Она расположилась на ковре, на подушках, пригрелась, расслабилась после выпитой жидкости, и... И не смогла сдержать крик, когда одна из стен – та, где стоял камин, – исчезла, остальные же вытянулись, образовав сначала кори-

дор вперёд, к улице, и ещё дальше, в соседний район, за пределы Уфы, и прочь, прочь, прочь, до самого Урала... а затем земля провалилась, и коридор превратился в пугающего вида ущелье... Улицы, дома, вообще город, полдень, осень – всё исчезло, остался лишь этот уходящий в никуда обрыв.

И это было и ужасно, и прекрасно.

Мир вытянулся вверх и вниз, а прочие его измерения не то чтобы пропали, но стали не важны, поскольку высота затмила всё.

И она – на тонкой жёрдочке, готовой вот-вот исчезнуть. Одинокая птица в мире бесконечной высоты и отсутствия тверди. В мире, где нет границ поверхностей, а есть лишь упоение...

Жёрдочка исчезла.

Не переломилась, не прогнулась, не стала скользкой настолько, что не удержаться, – исчезла, окончательно окунув девушку в новый мир.

Жёрдочка растворилась, но ни страха, ни ужаса её исчезновение не вызвало.

Карину бросило в безумие восторга – морально, а физически она полетела, трепеща, ликуя и не боясь разбиться. Несколько секунд спустя сообразила, что может управлять полётом: как будто тело её – летательный аппарат, а мозг – пилот; отдала себе приказ зависнуть, и падение послушно остановилось.

Если бы Карина разбиралась в технике, то непременно от-

метила бы, что представляет собой универсальное воздушное судно, сочетающее в себе качества ракеты, птицы, самолёта, вертолёта и аэростата. Но по большому счёту это знание было сейчас совсем не важно. Она и без него справлялась с пилотажем — мысленные импульсы легко отправляли её в любые режимы полёта.

— А ну-ка! — приказала она себе и взмыла ввысь стрелой.

Это было не передать, не описать! Это можно было лишь пережить. Она бешено пронзала пространство, а время то ли растянулось, то ли сжалось, то ли выгнулось дугой, и в этом изгибе вроде бы мелькнула чья-то нехорошая, холодная усмешка.

* * *

Герману тоже довелось полетать, правда, в совсем иных условиях и с иным сюжетом...

Но прежде, чем отправиться в полёт, он оказался облачён в неожиданное одеяние: на удивление ловко сидящий защитный костюм, состоящий из аккуратно гнутых металлических пластин, соединенных невероятно прочной тёмной тканью. Завершали облачение шлем и короткий меч, напоминающий римский гладиус.

Мир сделался неясным, туманным в прямом смысле слова: Германа окутала серая муть, в которой он ничего не видел, но интуитивно угадывал дорогу, по которой и пошёл,

поскольку понял, что оставаться на месте нельзя.

Идти пришлось недолго. Примерно через десять шагов туман распался – иначе не скажешь, – и его серые ошмётки превратились в бесчисленную толпу человекообразных существ. В сутулых, длинноруких призраках без пола, возраста и лиц. Намерения тварей были понятны без пояснений, и Герман, не раздумывая, ринулся в бой.

Один против всех.

И резко, с чрезмерной яростью, ударил мечом ближайшего призрака.

Лезвие легко, как туман, рассекло серое, и тварь прахом осыпалась к ногам героя.

– Вот так!

Но радоваться рано! Рассыпался первый, за ним второй, третий... Но, убивая четвёртого, Герман почувствовал холодное прикосновение к шее – сзади! Развернулся, одновременно нанося рассекающий удар, и понял, что почти окружён.

Их было слишком много!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.